

Шэнь Цинжань рывкнул на Сюэ Фэйфэна пару раз, но живот от этого свело от голода еще сильнее, и силы злиться иссякли. Он смотрел на Сюэ Фэйфэна, который весь был замотан в бинты и даже не мог надеть верхнюю одежду. Глаза генерала были красными от полопавшихся сосудов, губы потрескались и пересохли; вид у него был такой глубоко любящий и одновременно жалкий, к тому же он еще и хромотал.

Если бы не знать наверняка, что перед ним — генерал, только что одержавший грандиозную победу, и признанный двором Великий князь, можно было бы решить, что это какой-то нищий бродяга. Да он дошел до такого плачевного состояния, что даже его жена падала от голода!

Шэнь Цинжань поспешно велел Чан Баю внести носилки, чтобы отнести Сюэ Фэйфэна в шатер, указанный чудо-лекарем.

Как только госпожа очнулся, братья и сестра Чан, которые до этого не знали, что делать с упрямым генералом, мгновенно воспрянули духом. Незаметно для всех Шэнь Цинжань стал их главной опорой.

Шэнь Цинжань быстрым шагом подошел к Сюэ Фэйфэну, встал на цыпочки и, прислонившись своим лбом к его, потрогал его слегка покрасневшие щеки.

Пока он это делал, Сюэ Фэйфэн лишь тихо смотрел на него. Его взгляд, неподвижный и цепкий, неотрывно следовал за каждым движением Шэнь Цинжаня.

Здоровой рукой Сюэ Фэйфэн сжал ладонь Шэнь Цинжаня. Казалось, в его груди теснится столько слов, готовых вырваться наружу, но в итоге он смог лишь пробормотать:

— Жань-Жань, ты, наверное, проголодался... Чан Бай, прикажи подать еду!

Зато голос, которым он отдавал этот приказ, прозвучал весьма громко и уверенно.

Шэнь Цинжань, всё еще прижимая ладонь к его лбу, произнес голосом, в котором слышались слезы:

— Сюэ Фэйфэн, ты хоть понимаешь, что у тебя температура?!

Не мог просто спокойно лечиться?! Заражение ран может стоить жизни!

А может, у него и не просто «небольшой жар». У генерала кожа такая толстая, что на ощупь не поймешь, но судя по его нынешнему невменяемому поведению, он явно бредит от температуры.

Шэнь Цинжань отчаянно топнул ногой, но Сюэ Фэйфэн, казалось, ничего не замечал:

— Всё в порядке, Жань-Жань, не волнуйся.

Услышав это, Шэнь Цинжань едва сдержал порыв отвести ему пощечину, чтобы привести в чувство. Но человек уже горел, так что и десять пощечин не помогли бы.

Успокоив Сюэ Фэйфэна, он вышел к чудо-лекарю, чтобы обсудить дальнейшее лечение.

Лекарь, уже наслышанный о Шэнь Цинжане, с облегчением вздохнул, увидев его на ногах.

Наконец-то появился тот, кто сможет приструнить этого непокорного, нарушающего все предписания пациента.

— У генерала Сюэ начался жар, ситуация довольно серьезная. Именно об этой угрозе для жизни я и говорил. Если температура не спадет, тут и боги бессильны.

Сюэ Фэйфэн получил множество ран, как старых, так и новых, да еще и промок под дождем. Даже его железное здоровье дало трещину. То, что он продержался до сих пор, прежде чем слечь с лихорадкой — уже большая удача. Иными словами, увидев, что Шэнь Цинжань всё не просыпается, Сюэ Фэйфэн не выдержал эмоционального напряжения, и защитные барьеры его организма рухнули.

Шэнь Цинжань был прав, когда просил не сообщать Сюэ Фэйфэну о своем присутствии. Но кто же знал, что всё обернется именно так. Теперь он и сам не понимал: хотел как лучше, а получилось как всегда.

— Сбить температуру... — Шэнь Цинжань закрыл глаза. Ему нужны антибиотики. Он мысленно воззвал: — Система, у тебя есть пероральные антибиотики?

Система ответила:

— Сожалею, но всё, что не касается селекции, вне нашей компетенции.

Шэнь Цинжань взмолился:

— Ну неужели нельзя сделать исключение? У меня есть баллы — миллион пятьсот пятьдесят тысяч, я отдам тебе всё!

По дороге в Цанчжоу он заработал еще пятьдесят тысяч баллов, разбрасывая семена.

— Это невозможно. Мы не интернет-магазин, — намекнула Система. — Мы предоставляем только то, что связано с селекцией.

Шэнь Цинжань уловил намек:

— У вас же есть программа селекции микроорганизмов, верно? На ней можно быстро заработать баллы. Я хочу заняться селекцией пенициллиновых грибков. Но так как прошло уже много времени, я забыл, для чего нужен пенициллин. Я хочу обменять баллы на готовый продукт, чтобы «вспомнить».

Система:

— Запрос принят. Пожалуйста, подождите.

— Особый запрос: препараты пенициллинового ряда. Одна упаковка — пятьсот тысяч баллов.

Шэнь Цинжань тут же обменял баллы на две упаковки, потратив ровно миллион.

Какое счастье, что у него было достаточно баллов. Иначе ему оставалось бы лишь беспомощно смотреть, как Сюэ Фэйфэн сгорает от лихорадки. Быть больным и не иметь возможности купить лекарство — самое страшное чувство бессилия в мире.

Для начала он осмелился дать Сюэ Фэйфэну лишь мизерную дозу. Убедившись, что никаких побочных реакций нет, он стал давать ему лекарство в нормальной взрослой дозировке.

Сюэ Фэйфэн горел целые сутки, и всё это время Шэнь Цинжань, не смыкая глаз, дежурил у его постели. Пока он был без сознания, он достаточно выспался, поэтому бессонная ночь не

казалась ему тяжелой. Он сам менял влажные компрессы на лбу Сюэ Фэйфэна, тщательно обтирал кожу вокруг ран остывшей кипяченой водой, ассистировал лекарю и делал перевязки.

Вся нательная одежда, бинты и даже то, что было надето на нем самом — всё должно было быть прокипячено и продезинфицировано, прежде чем он подходил к Сюэ Фэйфэну.

Госпожа вдруг стал невероятно заботливым и внимательным к мелочам. Чан Мин раньше думал, что Сюэ Фэйфэн, ухаживающий за больной женой, несмотря на собственные раны — это предел самоотверженности. Но теперь, сравнивая его с госпожой, он понимал, что это была лишь капля в море.

На следующий день температура спала. С Шэнь Цинжанем рядом Сюэ Фэйфэн смог, наконец, расслабиться и заняться лечением. Жена велела ему лежать смирно — и он действительно не смел даже шелохнуться на ее глазах. Даже по нужде он просил Чан Бая помочь ему быстренько всё сделать, только когда Шэнь Цинжань выходил из шатра.

Генерал и сам жаждал скорейшего выздоровления. Больше всего он боялся утомить Шэнь Цинжана и строго по часам отправлял его отдыхать, чтобы тот снова не свалился в голодный обморок на несколько дней. Организм тоже не подвел: раны быстро покрывались новыми корками, а опухоль на правой ноге постепенно спадала.

Чудо-лекарь диву давался переменам в Сюэ Фэйфэне: из самого невыносимого пациента тот в одночасье превратился в самого послушного. Каким бы горьким и отвратительным ни было лекарство, он выпивал его залпом, не моргнув глазом. Когда лекарь ставил иглы, чтобы разогнать застой крови, Сюэ Фэйфэн терпел любую боль, не издав ни звука — лежал тихо, как соломенное чучело.

Знай он, что всё так обернется, взял бы с него на пятьсот лян меньше.

Вспомнив, как раньше Сюэ Фэйфэн жаловался на его «болезненные методы», лекарь усмехнулся: перед женой этот вояка готов был нести любую околесицу.

Да, процедуры были болезненными, но раньше генерал и бровью не вел! Любому врачу пришлось бы причинить боль — при чем тут он?

Стоявший позади Сюэ Фэйфэна Шэнь Цинжань заметил, как напряглись мышцы на его спине. Вспомнив, что первыми словами Сюэ Фэйфэна после пробуждения были жалобы на боль, Шэнь Цинжань почувствовал, как сердце сжалось от невыносимой жалости. Он обратился к лекарю:

— Уважаемый лекарь, не могли бы вы действовать немного мягче? Мы же все из плоти и крови, кто сможет с улыбкой терпеть, когда ему кости скоблят? Генерал говорит, что ему очень больно.

Чудо-лекарь искренне удивился:

— Да? А я ничего не слышал.

Шэнь Цинжань похлопал Сюэ Фэйфэна по плечу:

— Тебе больно?

Сюэ Фэйфэн: «...»

Вот так дилемма. С одной стороны, он не хотел показывать слабость и волновать Шэнь Цинжання. С другой стороны, слово не воробей — раз уж сказал, нужно подыгрывать.

— Больно.

Как показала практика, чудо-лекарь действительно решил слегка отомстить Сюэ Фэйфэну за то, что тот строил из себя героя перед женой.

— Ну хорошо, буду помягче, — согласился лекарь.

...

Так как большинство ран у Сюэ Фэйфэна было на груди, а на дворе стояло жаркое лето, он редко надевал рубашку, разгуливая с голым торсом, словно бандит с большой дороги.

Шэнь Цинжань, сидя рядом с ним на коленях, пересчитывал шрамы:

— Восемь ножевых ранений. А ты, оказывается, крут.

Его тонкие пальцы легко касались единственного нетронутого участка кожи возле сердца, вызывая щекодку, от которой по телу пробегали мурашки, куда более сильные, чем зуд заживающих ран.

— Это всё пустяки, — Сюэ Фэйфэн перехватил его руку, дыхание его стало тяжелым. — Скоро заживет.

— Пустяки? — Шэнь Цинжань не удержался и ущипнул его за левую грудь. — Значит, серьезной раной считается только та, что здесь? Решил меня разозлить специально?

Сюэ Фэйфэн ответил:

— Здесь живет моя жена, мой Жань-Жань. Как я могу позволить этому месту пострадать?

Он спрятал те самые бобы маша, которые подарил ему Шэнь Цинжань, как можно ближе к сердцу, и во время боя охранял это место пуще глаза, боясь, что кровь из раны намочит бобы и заставит их прорасти раньше времени.

Если бы он случайно «вырастил» с десяток бобов за один день, Жань-Жань бы с ума сошел от тревоги. И в конце концов, он всё равно заставил его волноваться.

— Какой лстец, — Шэнь Цинжань склонился и запечатлел поцелуй на том самом месте, где мерно билось сердце. Его полуприкрытые ресницы дрожали, словно крылья черной бабочки, осыпая грудь генерала невидимой мерцающей пылью, от которой у того сжалось сердце.

— Жань-Жань... — Сюэ Фэйфэн внезапно крепко обнял Шэнь Цинжання. До сих пор он сдерживался из-за ран, и это было их первое по-настоящему крепкое объятие после долгой разлуки.

— Больше мы никогда не расстанемся, — шептал Сюэ Фэйфэн, осыпая поцелуями мочку уха Шэнь Цинжання. — Ни на один день.

С начала кампании они провели порознь целых четыре месяца. Для Сюэ Фэйфэна это время тянулось как годы; он писал письма с предельной осторожностью, не в силах передать на бумаге и сотой доли своей тоски.

— Угу, — Шэнь Цинжань шмыгнул носом. Раз уж Сюэ Фэйфэн готов был рисковать жизнью ради своих амбиций, как он мог оставить его? А насчет того поля, которое ему нужно засеять заново — он обязательно что-нибудь придумает.

Раны генерала почти зажили, и он уже надеялся на какое-то «особое» развитие событий, как вдруг его жена сменила милость на гнев и перешла к сведению счетов.

— Значит, если бы я не очнулся, ты бы отказался от лечения? — Шэнь Цинжань упер руки в бока. Раньше он терпел выходки Сюэ Фэйфэна только потому, что тот был ранен, но теперь настало время выпустить пар.

— Не трогай меня, — он отмахнулся от руки Сюэ Фэйфэна и подобрал со стола несколько писем — тех самых, которые генерал писал своей «жене на вилле Тянься» после ранения.

— «Враг бежит, бросая оружие и доспехи, а я цел и невредим, ни царапины!» — Шэнь Цинжань с сарказмом зачитывал строки, тыкая пальцем в грудь генерала. — Врешь и не краснеешь! Как у тебя язык повернулся написать «ни царапины»?! Думал, меня легко обмануть?

Генералу, любившему бросаться громкими словами, пришло время платить по счетам. Но он всё еще пытался сопротивляться:

— А ты? Ты ведь тоже тайком от меня вырастил шесть тысяч лошадей, да еще и похудел из-за этого!

— Я хотя бы сказал тебе, что развожу лошадей! Подумаешь, количество приуменьшил — это совсем другое дело! — не сдавался Шэнь Цинжань.

Сюэ Фэйфэн отчаянно жалел, что не написал в письме хотя бы о порезе на мизинце.

— Я признаю свою вину. Впредь будем честны друг с другом. Жань-Жань, давай забудем прошлое, хорошо? — Сюэ Фэйфэн взял со стола пиалу с куриным бульоном и воспользовался моментом, чтобы сунуть Шэнь Цинжаню в рот кусочек мяса, пока тот открыл рот.

Поменьше болтай, побольше ешь — может, хоть так поправишься.

— Нет уж! — Шэнь Цинжань, с набитым курицей ртом, возмутился. Как только он пытался свести счеты, Сюэ Фэйфэн тут же затыкал ему рот едой. Какой коварный план!

Он с трудом прожевал и проглотил мясо. Больше он на эту уловку не попадется. Он пытается устроить разборки уже три дня, и всё впустую!

— Ты считаешь меня наивным дурачком?

— Вовсе нет, — ответил Сюэ Фэйфэн, продолжая кормить его с ложечки. Это стало его любимым занятием во время болезни. Он каждый день посылал Чан Мина в горы за фазанами и дикими кабанами, чтобы пичкать жену сытной едой. По предписанию чудо-лекаря, Сюэ Фэйфэну пока нельзя было вставать. Его передвижения были ограничены, но Шэнь Цинжань, хоть на словах и грозился счетами, никогда не отходил от него дальше, чем на полметра.

Вот и сейчас его Жань-Жань лишь мотал головой, уклоняясь от ложки, но ни разу не сделал шага назад, чтобы оказаться вне досягаемости.

Такой послушный.

Настолько послушный, что хотелось его немного подразнить.

Шэнь Цинжань невнятно пробормотал с набитым ртом:

— Если тебе нужна жена-дурочка, которую легко обмануть, ищи в другом месте. Не знаю, как это выразить, но... в общем, я знаю очень много вещей. И если ты думаешь, что я ограниченный и невежественный, то ты глубоко заблуждаешься.

Видя, что Шэнь Цинжань говорит серьезно, Сюэ Фэйфэн тоже сменил тон на более серьезный:

— Я знаю. И мне нравится именно этот Шэнь Цинжань — тот, кто много знает, кто может позволить себе полениться, но при этом сам берет на себя ответственность.

Шэнь Цинжань замер:

— Какой именно?

— Тот, что сейчас передо мной.

Их взгляды встретились. Шэнь Цинжань понял, что Сюэ Фэйфэн имеет в виду. Уголки его губ поползли вверх, но он тут же заставил себя нахмуриться.

Он был слишком ревнив. Ему совершенно не хотелось, чтобы Сюэ Фэйфэн любил первоначального владельца его тела, пусть даже совсем немного, только из-за него.

Они — два разных человека. И он не собирался делиться Сюэ Фэйфэном ни с кем, ни на йоту.

Ладно, сегодня разборок не будет, перенесем на завтра.

Иногда, если сведение счетов не удастся, стоит поискать причину в себе.

— Что предпринимает императорский двор? — сменил тему Шэнь Цинжань.

Лицо Сюэ Фэйфэна помрачнело:

— Говорят, собираются встречать меня с почестями и награждать за заслуги. И еще велели привезти Сюэ Лифэна.

Сюэ Лифэн — предатель родины, его следовало бы казнить на месте без суда и следствия. Но императорская гвардия в новой столице находилась в руках родного брата императрицы. Он, императрица и наследный принц составляли единую коалицию. В свое время старый император наделил их слишком большой властью, и теперь ему пришлось, скрепя сердце, потребовать возвращения Сюэ Лифэна в столицу.

Будучи гостем издалека, Сюэ Фэйфэну было лень лезть в это болото интриг, именуемое столицей.

Шэнь Цинжань кивнул. Ситуация складывалась как нельзя лучше: император даже поспешил на указ о назначении нового наследника, так что и ехать туда не было смысла.

Соблюдение формальностей — это, конечно, хорошо, но собственная безопасность важнее.

— Бра-а-ат! — Снаружи внезапно раздался истошный, неестественно громкий вопль. Сюэ Цзиньфэн, едва оказавшись в радиусе ста метров от своего брата, напрочь утратил образ

зловещего, холодного князя и буквально скатился с лошади.

А вдруг брат умирает и поэтому так срочно вызвал его к себе?!

Что же тогда делать ему, младшему брату? А невестке?!

У Сюэ Фэйфэна заболела голова. Как только его нашли, Чан Бай сразу же отправил гонца к Сюэ Цзиньфэну. Но брат, вне себя от беспокойства, поехал короткой дорогой, и гонцы так и не смогли его нагнать.

— А младший брат — молодец, — хлопнув по кровати, заявил Шэнь Цинжань.

Новая столица находится под контролем брата императрицы, а старая — в руках Сюэ Цзиньфэна. Зачем им вообще ехать в новую столицу?

Старая столица — это место, где зародилась династия, там находится драконья жила (средоточие силы). Если Сюэ Фэйфэн обоснуется там, а затем призовет к себе императора и всех министров, он станет истинным хозяином положения, превратив гостей в слуг.

Вот тогда чиновники выстроятся в очередь у всех четырех городских ворот, чтобы отчитаться о своих делах. А заодно можно будет не пускать в город тех самых придворных паразитов, которых так ненавидел Сюэ Фэйфэн.

— Брат! Почему ты опять хромаешь?! — завопил Сюэ Цзиньфэн, совершенно не следя за языком.

— Почти прошло.

Младший брат не поверил:

— Ты точно меня обманываешь! Иначе зачем бы ты меня звал?!

— Это правда, — Сюэ Фэйфэн повысил голос. — Не веришь — спроси у невестки.

Сюэ Цзиньфэн плюхнулся на колени рядом с кроватью:

— Не верю! Ты вечно обманываешь невестку!

Сюэ Фэйфэн рявкнул:

— Заткнись!

Я только-только жену успокоил!

Шэнь Цинжань лишь вздохнул:

— Ну и дела.